

АЛЬКИНЫ НАЛИМЫ

Алька ловил рыбу. Не подумайте только, что удочкой, или, там, сеткой. Нет, он ловил рыбу руками! Так его обучил дядя Юра, мамин брат, недавно, в 1947 году демобилизованный со срочной военной службы. Был он весёлый, разбитной, с вечной улыбкой на лице. Невысокий, худой, подвижный, но крепкий — жилистый, как говорили. Был он азартен — заводной! На работу устроился — шоферить, но пристрастился к рыбалке и всё свободное время проводил на водоёмах. Занимался рыбалкой всерьёз — сооружал всевозможные снасти, кормушки, готовил хитрые насадки — охотился на крупную рыбу.

Альку он научил ловить рыбу руками под камнями.

Где горная речка Уж, выйдя на равнину, широко разливалась, образуя многочисленные перекаты и мели, там и занимался Алка своей

рыбной ловлей. И надо сказать, дело это его увлекло, и он каждый день во время каникул с утра до вечера обитал на реке.

Было Альке около десяти лет, но выглядел он лет на восемь, не больше, потому что был невысокий, щуплый (впрочем, как многие послевоенные дети), белобрысый, потому что волосы на его голове выгорели на солнце. С левой стороны короткого чубчика была «зализа», что выделяло его среди других таких пацанов. На Альке — только чёрные трусики с карманчиком на пуговице, потому что стояла жаркая летняя закарпатская погода, и он загорел дотемно-коричневого цвета, так, что не нуждался в защите от солнца.

Алька находил в реке валунчик, под которым ловкими своими пальцами нащупывал, нет ли под ними щёлочек, промоин, дырок, потом исследовал, сколько же их, чтобы суметь перекрыть все эти выходы для рыбок. Если их было больше двух, то Алька аккуратненько, потихоньку либо закрывал эти лишние отверстия пальцами ног, или затапливал в них камешки. А потом уже — в основном оставленном выходе — начинал нащупывать руками затаившуюся под камнем рыбку.

— Есть! Пальчики прижимали трепещущую скользкую рыбку к валунчику, после чего Алька бережно извлекал её из воды, зажав в ладошку, а потом насаживал через жабры на низку — толстую нитку с привязанной на конце спичкой.

Сегодня эта охота получалось у Альки хорошо — он не упустил ни одной рыбки, и у него на низке в воде трепыхалось с два десятка пятнистых пескарей, серебристых голавликов и усатых маренков. Алька был доволен, потому что, когда он приходил с рыбками домой, папа и мама хвалили его, говоря то ли в шутку, то ли всерьёз:

— Ах, ты, наш кормилец!

Итак, на сей раз рыбалка продвигалась успешно, но «тормошила» Альку одна неотвязная мысль — которую вынашивал он уже не первый день. Дело в том, что река Уж там, где заканчивались ряды прибрежных одноэтажных особняков Ужгорода, была отгорожена от этих домов высокой дамбой, метров шести-семи высотой, которая защищала город от бурных весенних-осенних наводнений. Когда в Карпатах выпадали обильные дожди, река становилась страшной. Алька это видел недавней весной.

В паводок река поднималась до краёв дамбы. Стремительно несущая свои мутные грязные воды, пугала, и не только Альку. Так вот, низ этой дамбы был выложен огромными камнями, скреплёнными поверху крупной проволокой сеткой. И щели между камнями, уходившие в воду, Альку настойчиво манили.

— Там, наверное, спрячутся большие рыбыны, — думал он. — Вот бы пошарить над теми камнями.

Но он немножечко робел, так как камни были огромные, тёмные щели и дыры между ними его пугали.

Тем не менее, сегодня Алька решил.

— Всё, — надумал он, — чего тут бояться? Что я там, не рыбу, что ли, поймаю?!

И он решительно двинулся к давно манившему его берегу.

Алька опасливо засунул руку в первую расселину. Она была неглубокая. И ничего там не обнаружилось. Тогда, уже смелее, полез он левой рукой во вторую щель — по самое плечо — и в испуге он отпрянул — там нащупал он что-то большое и скользкое!

— Змея?! — эта догадка бросилась сразу ему в голову.

Но, подумав немного, решил он, что в водяной норе змея сидеть не может. Тем более, например, гадюка. А ужей Алька давно не боялся. Он даже умел ловить их руками — так много их было в кустах около реки. Да и потом, совсем и не уж это был, понятно.

Подумав так, решил Алька аккуратно проверить ещё раз, кто же там, в этой норе сидит. Вновь стал прощупывать рукой нору и опять наткнулся на что-то скользкое и большое. Немного холодея сердечком, Алька попы-

тался схватить это «нечто». Но одной рукой ухватить никак не удавалось, и он, погрузившись в воду, по горлышко засунул в воду и вторую руку! Что-то скользкое изворачивалось и не давалось ему, пока Алька не изловил, похоже, голову этого существа. Только тогда он почувствовал, что держит его крепко, резким движением выхватил руки из щели и бросил свою добычу на берег. Это была невиданная им ранее рыба. Чёрная, большая — с полметра длиной, она судорожно извивалась на берегу.

Алька отбросил её ногой и стал внимательно рассматривать.

— Налим, наверное, — подумал, наконец, он восхищённо. Налимов он видел раньше только на картинке в «дядеюриной» книге «Рыболов-спортсмен». — Это же надо, какая удача! Да такой большущий! Вот будут папа с мамой удивлены!

Алька быстро соорудил из тонкого сучка и крепкого шпагата, что припасливо держал в кармане трусиков, ещё одну низку и торжественно насадил на неё налима. Но азартное сердечко не унималось, и Алька решил снова попробовать, нет ли ещё в камнях такой добычи.

И он начал старательно исследовать береговые норы в камнях. Прощупав около десяти метров берега, он выловил ещё четырёх налимов! Правда, поменьше первого.

— Ну всё, хватит, — решил Алька. Ему не терпелось отнести этих диковинных, рыбин домой, да и замёрз немножко.

И он стремглав помчался со своими налимами на мост через Уж, чтобы быстрее добраться домой. На мосту его остановил пожилой, лет шестидесяти, полный седовласый венгр.

— Мальчик, что это у тебя за чёрные рыбины такие?

— Это, дяденька, налимы! — восторженно выпалил Алька.

— Дай посмотреть!

— Пожалуйста, — с готовностью протянул Алька тому свою низку с налимами.

Дяденька внимательно осмотрел Алкину добычу, восхищённо цокая языком, и вдруг, развернувшись от Алки, неторопливо двинулся своим путём. Но — с налимами!

— Дяденька! — в страшной растерянности закричал Алька, — Это же мои налимы, отдайте!

Мужчина ничего не ответил, продолжая своё степенное шествие.

— Дяденька, отдайте, отдайте, ну пожалуйста, — кричал Алька.

Слёзы градом покатались из его глаз. Он схватил дяденьку за рубашку, но тот небрежно оттолкнул его:

— Отстань, мальчик!

Рыдающий, семенящий за вероломным дядькой Алька в отчаянии огляделся — на мосту не было ни одного человека, кому можно было бы пожаловаться.

И тут, вне себя от негодования, обиды, унижения бросился Алька к своему обидчику и изо всех мальчишечьих сил укусил того прямо через брюки пониже ягодицы.

Дядька взвыл неожиданным фальцетом, в нелепой растерянности обернулся, глянул на Альку круглыми глазами, швырнул налимов на тротуар и бросился бежать, прихрамывая и хватаясь рукой за больное место. Он несколько раз оглянулся, но скорости не сбавил, лишь что-то визжал непонятное.

Алька и сам, не ожидая от себя такой прыти, даже испугался немного своего поступка. Вытерев кулаками залитое слезами лицо, он поднял налимов и поплёлся домой.

Дома папа и мама так радостно встретили его, оживлённо рассматривая необычный его улов, что Алька немного отошёл от недавнего потрясения. А когда папа поцеловал его в макушку и сказал: «Ну ты и молодец же, сынок. Смотри-ка, чего добыл!» — Альке стало совсем хорошо.

Но папе и маме он всё равно не рассказал о происшествии на мосту — ему почему-то было стыдно за пожилого венгра.

КАБАНЬЕ РОДЕО

После демобилизации в 1946 году отца из армии семья мальчишки, которого звали Алька, получила квартиру в столице Закарпаття — Ужгороде.

Во дворе их дома находился добротный скотный саманный сарай удравшего с немцами хозяина этого дома. Этим сараем стали постепенно пользоваться все три проживающих здесь семьи.

Алькин папа купил поросёнка — Борьку — и устроил ему в сарае загон, а в отдельно построенном небольшом сарайчике хранились дрова, обитали куры, кролики и любимые мальчишкой голуби. Кормить всю эту живность было его обязанностью. Сестрёнка Саша — старшенькая — готовила корма, а Алька потчевал ими всю эту живность.

Когда Борька вырос в здорового мощного хряка, его стали готовить к забою — кормить по особому, усиленно, и Алька должен был ежедневно выгуливать кабана во дворе, чтобы, как объяснял отец, в толстом слое сала образовывались мясные прожилки — бекон — запомнил Алька — это интересное слово. Алька добросовестно выполнял свои обязанности. У него был гибкий ивовый прут, которым он старательно погонял ленивого хряка, чтоб тот больше двигался.

Но ближе к осени перекормленный Борька совсем зажирел и стал бастовать. Что только ни придумывал Алька, хряк всё меньше и меньше двигался. А то разляжется посреди двора в остатках густой полужидкой грязи и не встаёт, несмотря на все Алькины старания поднять его.

Алька садился на него верхом, бил пятками по бокам, теребил розовые ушки, но Борька слабо реагировал на эти старания мальчишки. И тогда пришла мальчику «гениальная идея»! Он сбегал домой, нашёл в старенькой швейной машинке «Зингер» большую стальную иглу и вернулся во двор. Кабан медленно и величаво выхаживал посреди двора, изредка взрывая рылом грязь.

Алька принёс ведро воды, помыл тряпкой довольно похрюкивающего Борьку, подождал, пока тот обсохнет, не давая ему вновь лечь в грязь, а потом неожиданно оседла розовую щетинистую спину упрямого хряка. Правой рукой схватил он кабана за ухо, а левой осторожно воткнул ему иглу в жирный зад недалеко от свёрнутого в колечко тонкого борькиного хвостика. Борька с пронзительным визгом сорвался с места и на большой скорости сделал крутой вираж по широкому двору. Алька, чтобы не упасть, вцепился кабану и во второе ухо.

Промчавшись мимо стволов двух росших во дворе старых шелковиц, миновав крыльцо на веранду дома, хряк устремился к воротам. Мальчишка с ужасом увидел стремительно надвигающиеся на него створки. А ворота эти — из двора на улицу — были особенные. Низ их был приподнят над землёй довольно высоко, и Борька пролетел под ними на улицу, ...а Алька остался лежать перед воротами с разбитым носом и ссадиной на лбу, быстро превратившейся в багровую шишку.

Ошеломлённый Алька сидел на земле, ничего не понимая. На улице за воротами верещал его кабан. Что делать? Пришлось ему, несмотря на обиду и боль, бежать на улицу. Лишь с помощью подоспевших соседей из других дворов, после долгих их попыток Борька был пленён и загнан во двор.

Вот так и закончилась эта опрометчивая Алькина попытка кабаньего родео.

ФУТБОЛ С КОЗОЙ

Алькина семья купила корову, но продержалась она у них недолго. С ней случилась беда. И взамен её пришлось Алькиным родителям купить козу — рогатую и бородатую Маньку.

Манька вскоре стала любимицей всей семьи и... большой головной болью Альки. Ему бы на рыбалку сходить или в футбол с друзьями поиграть, но нет. Летом он стал её персональным пастухом. Каждый день выводил Маньку на берег реки Уж. Там выбирал зелёную лужайку, забивал в землю колышек, к которому на длинной верёвке привязывал козу, а сам пытался ловить рыбу. Но постоянно пропускал поклёвки, потому что всё время поглядывал на козу, зная её строптивый и хитрый характер. Как только Алька забывался и переставал следить за козой, та выдирала колышек из земли и стремительно убегала. Поймать потом зловредную Маньку было Альке не так-то легко.

В общем, никакого интереса к ловле рыбы у Альки не стало. А сидеть около противной козы было скучно. И он решил, что интереснее будет — поиграть с ребятами в футбол. Игры эти происходили каждый день в котловане глубиной метров десять недалеко от реки. Котлован вырыли чехи, когда владели Закарпатьем, используя добытый из него гравийно-галечный материал для сооружения защитных от наводнения дамб.

Дно котлована плоское, заросшее плотной невысокой травой, и играть в футбол там было одно наслаждение — мяч от удара далеко не улетал, а скатывался с борта к игрокам. Одно удовольствие!

Вот Алька и надумал: «Пусть Манька щиплет траву около футбольного поля — всегда на виду, а я поиграю с ребятами в своё удовольствие».

Несколько дней Алька блаженствовал. Коза мирно щипала травку, Алька азартно играл левым крайним в нападении (он был левша), причём Манька нередко с явным интересом наблюдала за игроками, когда те с криком, вспотевшие и раскрасневшиеся, метались по полю. И вдруг!.. Как-то, заигравшись, мальчишка надолго потерял козу из виду, а когда спохватился, Маньки и след простыл.

Испугавшийся Алька вымахал по крутому склону наверх — там рядом располагалась большая городская площадь имени Богдана Хмельницкого, но козы своей и там не углядел! Сердечко его ёкнуло. Что делать?! Тут он увидел сидящего невдалеке на скамейке невысокого худенького старичка и подбежал к нему:

— Скажите, пожалуйста, дедушка, Вы тут козы не видели?

— Видел, сынок, видел. Она вон ту клумбу общипала, — показал старичок на цветочную клумбу в центре площади.

— Ой, а куда она, дедушка, делась?

— Э, мальчик, раньше надо было беспокоиться, её милиционер арестовал и утащил куда-то на верёвке.

Внутри у Альки похолодело, непрошенные слёзы покатались из глаз. Он опустился на скамейку.

— Что мне делать, дедушка? Мне ведь Маньку в милиции не отдадут?

— Конечно, не отдадут. Да ты не печалься, беги к отцу на работу — я твоего отца знаю — он козу выручит.

Поплёлся Алька к папе на работу, несчастный, упавший духом, понимая, что ждёт его приличная, но справедливая взбучка.

Отец, выслушав печальную Алькину повесть, расстроился. Он грозно глянул на Альку (а только папа мог так глядеть, что у Альки поджилки тряслись) и, ни слова не говоря, пошёл выручать хулиганку Маньку. А Алька понуро потащился за ним. Около милиции ждал отца. Через некоторое время суровый и строгий тот вышел со двора милиции с Манькой на верёвке и молча прошагал домой.

И там, дома, посыпались на Альку «громы и молнии. Но — словами, потому что папа никогда не шлёпал Альку, даже за самые суровые проступки. Но основательную взбучку эту — за «разгильдяйство, безответственность и отсутствие чувства долга» — Алька запомнил хорошо — на всю жизнь.

А колышек с верёвкой для своей непокорной Маньки забивал он теперь в землю крупной каменюкой основательно и глубоко.